

Европейские хроники

Франция и Германия за многоскоростную Европу

На неформальном саммите в Гранаде в начале октября Европейский совет запустил дискуссию по поводу Стратегической повестки 2024–2029. Газеты сфокусировались на сложностях с достижением соглашения по поводу иммиграции и права на убежище, однако основным был вопрос институциональных реформ и реформ процесса расширения ЕС. Поскольку вхождение Турции сегодня не рассматривается, в перспективе может появиться Евросоюз, расширившийся за счёт шести стран Западных Балкан, Украины, Молдавии и, вероятно, Грузии.

Президент Европейского совета Шарль Мишель указал на 2030 год как на дату, к которой ЕС и страны-кандидаты должны быть готовы к новому расширению, однако многие члены оказались недовольны предложением установить крайний срок. Эти государства неохотно реагируют на дискуссию, поскольку боятся сокращения собственного влияния, а также средств из европейских фондов в их распоряжении. Более того, расширенный союз рискует стать дисфункциональным без реформ, направленных на значительную централизацию принятия решений в Брюсселе. Это навязало бы, таким образом, передачу суверенитета, которую очень трудно продать электорату, но которая необходима, чтобы позволить европейскому империализму более эффективно преобразовывать на международной арене свой экономический вес в военно-политический.

“Группа двенадцати”

Чтобы стимулировать эти дебаты, заместители министров иностранных дел Франции и Германии попросили группу из двенадцати экспертов, работающих в разных французских и немецких исследовательских и *мозговых центрах*, представить предложения институциональной реформы. Хотя доклад “группы двенадцати” “Ходить в открытом море: реформировать и расширить ЕС в XXI веке” и не представляет официальную позицию Парижа и Берлина, он тем не менее предоставляет панораму терминов, которые используют в дебатах главы государств и правительств Евросоюза.

Доклад повторяет в своих рекомендациях цель 2030 года, зафиксированную Мишелем, но при этом добавляет: чтобы гарантировать её достижение, ЕС должен начать действовать тотчас же, запустить первые реформы и ещё до европейских выборов 2024 года приготовить те, что будут проведены во время легислатуры 2024–2029 годов. Среди рекомендованных мер можно обнаружить расширение голосования квалифицированным большинством вместо единогласия в Европейском совете, перестройку Еврокомиссии, увеличение бюджета ЕС, эмиссию общего долга и укрепление механизмов санкций в случае нарушения норм правового государства.

“Группа двенадцати” предполагает также изменить порядок принятия новых членов и структуру союза. Она предлагает «*постепенную интеграцию*» новых государств в архитектуру из четырёх концентрических кругов: центральным ядром стала бы еврозона, вторым кругом – ЕС, третьим – ассоциированные страны и государства-члены более широкого Европейского политического сообщества. Последнее, созданное в 2022 году по предложению Макрона, объединит четыре десятка стран Европы и её ближнего зарубежья – доклад указывает на Норвегию, Швецию и Великобританию как на возможных членов третьего круга, – эти страны будут не только частью общего рынка, но и будут вынуждены признавать верховенство европейского права и Европейского суда.

Некоторые реформы можно провести без применения сложного процесса изменения Договора о функционировании ЕС (Лиссабонский договор), однако другие его потребуют. Понимая сложности, которые несёт с собой созыв Конвента по реформе договора, “группа двенадцати” предлагает также альтернативные пути его изменения. В случае тупика она предлагает двигаться вперёд вместе с готовыми на это странами, учреждая новый договор. Это отношение означает, таким образом, возвращение в актуальную повестку уже много раз появлявшейся в прошлом идеи многоскоростной Европы.

Франко-немецкое сближение

По словам *Le Monde*, предлагаемая «дифференциация» с «постепенным и обратимым присоединением» и «многоскоростной европейской конструкцией» движется в направлении «Европы à la carte». Со своей стороны *Frankfurter Allgemeine Zeitung* от 21 сентября фактически не упоминает предложения многоскоростной Европы, против которого выступает немецкое правительство, и скорее привлекает внимание к возможности реформы договора без созыва нового Конвента и расширения голосования квалифицированным большинством. Франция, уточняет *Le Monde*, «демонстрирует, что менее готова» к этой реформе, в защиту которой Олаф Шольц выступает «уже несколько месяцев», поскольку считает, что «нынешняя ситуация оставляет широкое пространство для гибкости» (20 сентября). Несмотря на эти различные предпочтения и франко-немецкий раскол по другим вопросам, на данный момент Париж и Берлин особенно демонстрируют свой общий стратегический интерес в укреплении возможностей ЕС действовать в роли державы. Это выражается через утверждение необходимости реформы как предварительного условия для расширения.

В оппозиции к этой идее выступают прежде всего страны Северной и Восточной Европы. В тот же день, когда было опубликован текст “группы двенадцати”, политологи из стран Балтии, Польши, Хорватии и стран Северной Европы представили собственный доклад, в котором рекомендуют «не обуславливать вступление новых государств-членов институциональными реформами» (*Le Monde*, 20 сентября). Ожидается оппозиция и со стороны Венгрии, а также Словакии, где недавно выиграл выборы Роберт Фицо – социал-демократ популистского толка и пророссийских взглядов.

Возможность того, что страны еврозоны смогут углубить свою интеграцию и в итоге сформировать твёрдое ядро, спровоцировала интересную реакцию в Швеции и Польше – в двух странах-членах ЕС, которые, однако, не входят в зону евро. Йохан Персон, шведский министр труда и интеграции и лидер партии “Либералы”, призвал свою страну перейти от «базового» вступления ЕС на ступень «премиум», введя единую валюту (*Der Spiegel*, 29 сентября).

Возвращение европейской Польши?

Хотя в Польше политологи Павел Токарски и Агнешка Смоленска поддержали 21 сентября вступление их страны в еврозону в блоге “Eugorr” Лондонской школы экономики, ни один политический лидер не поддержал его во время кампании перед выборами 15 октября. Тем не менее их результат открывает перспективу Польши, которой больше не управляет партия “Право и справедливость” (“ПиС”), враждебная дальнейшей централизации Европы. “ПиС” вместе со своими союзниками снова заняла первое место с 35,4 % голосов, однако потеряла 8 процентных пунктов по сравнению с предыдущими выборами, следовательно, партия под предводительством Ярослава Качиньского вряд ли сможет найти партнёров для формирования коалиции для достижения большинства.

Таким образом, Дональд Туск, лидер второй сильнейшей польской партии и бывший премьер-министр, а также экс-председатель Европейского совета, может сформировать правительство, более конструктивно относящееся к ЕС. Коалиция в составе “Гражданской платформы” Туска (30,7 % совместно с её союзниками), “Левицы” (8,6 %) и “Третьего пути” (14,4 %) могла бы получить 248 из 460 мест в Сейме, нижней палате парламента. Однако редактор *FAZ* Рейнхард Везер предупреждает, что ЕС «не следует ожидать, что Польша быстро превратится в достойного доверия партнёра»: страна «может сперва войти в опасную фазу политической нестабильности», потому что “ПиС” имеет много инструментов, чтобы «замедлить и помешать формированию нового правительства» (17 октября). По словам польской газеты *Rzeczpospolita*, победа оппозиции означает возвращение Варшавы в сердце ЕС, где Париж и Берлин хотели бы вовлечь её в узкую группу, принимающую решения: «Это словно отказ от идеи “многоскоростной” Европы» (17 октября). Этот комментарий отражает также страх консервативной и европеистской газеты увидеть Польшу исключённой из возможного будущего плотного ядра ЕС.

Беспокойство стран Южной Европы

Что касается Испании и Португалии, директор “ElcanoNET” в Королевском институте Элькано Ауреа Мольто выражает беспокойство перед «смещением центра тяжести ЕС в

сторону Востока». На страницах португальской газеты *Diário de Notícias* 12 октября Мольто заявила, что Португалия и Испания находятся в «очень периферийной» ситуации и должны будут вместе с такими странами, как Италия и Греция, «гарантировать, что ЕС не забудет это южное измерение» с его направленностью в сторону Африки и Латинской Америки. В Италии Лукреция Рейхлин комментирует, что Риму следует стать частью возможного «центрального ядра», и видит возможность «большого стремления к созданию инструмента общего финансирования». Стране следует, таким образом, «быть очень внимательной» к этим дебатам, однако Рейхлин пишет, что «не видит следов этого» (*Corriere della Sera*, 24 сентября).

Заинтересованный британский энтузиазм

Британская пресса, наоборот, отнеслась внимательно к предлагаемым реформам. Мартин Сэндбю, редактор *Financial Times* по европейским делам, порадовался тому факту, что «политическая необходимость приблизить Украину и наконец включить её в ЕС» открыла «вопросы, которые были категорически закрыты, когда Великобритания была в процессе выхода». Тот факт, что «лидеры ЕС всерьёз задумываются о более постепенных формах принятия» новых членов, может привести к более богатому «меню à la carte» отношений с союзом, что сможет «перестроить британский вопрос» (11 сентября). *Times* 20 сентября пишет, что введение новой категории «ассоциированного члена» стало бы возможностью, за которую могла бы ухватиться Великобритания, если Лейбористская партия выиграет выборы в будущем году. В конце концов, лидер лейбористов Кир Стармер пообещал намного более тесные торговые отношения с ЕС, но без вступления в союз «в какой бы то ни было форме» (18 сентября).

В своей редакционной статье от 25 сентября Сэндбю, однако, пожаловался на то, что «группа двенадцати» написала, что страны с сохраняющимися военными конфликтами на их территории не могут вступить в ЕС. По его мнению, это означает предоставить Москве «право вето» на вступление Украины. При этом он не описывает последствия для союза такой ситуации, когда одно из государств-членов находится в открытой войне с Россией. Однако Сэндбю делает наблюдение, которое ведёт к ещё открытому вопросу: каким образом европейский империализм намеревается трансформировать войну на Украине в расширение, которое, как было написано в гранадской декларации, должно быть «геостратегической инвестицией в мир, безопасность и процветание»? Никакая риторика не может затушевать стратегический узел отношений с Россией.

Октябрь 2023 г.